

Ираклий
Андроников

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

•

ТОМ ТРЕТИЙ

•

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

Лермонтов в Грузии

1

Нижегородский драгунский полк, в который в феврале 1837 года был переведен Лермонтов, стоял в Грузии, в ста верстах от Тифлиса, нес охрану кордонной линии и отражал набеги лезгин. Но прибыл поэт к полку только осенью, вскоре последовал приказ о переводе его в гусарский Гродненский полк, квартировавший в казармах близ Новгорода, и в начале следующего, 1838 года Лермонтов возвратился в Россию.

Он возвратился, исполненный удивительных замыслов: «Герой нашего времени», кавказская редакция «Демона», «Мцыри», «Беглец», «Ашик-Кериб», «Дары Терека», «Казачья колыбельная песня», «Тамара», «Свиданье» — все это результат его скитаний по Северному Кавказу и Закавказью в 1837 году. Кавказ оказался для Лермонтова не только источником вдохновения, но и темой новых произведений. «Любимой темой», — подчеркнул великий грузинский поэт Илья Чавчавадзе, писавший, что в «своих мощных стихах, преисполненных поэзии, Лермонтов изобразил весь Кавказ и, в частности, Грузию»¹.

В годы, когда советские исследователи, стремясь поновому осмыслить историко-литературное значение Лермонтова и особенности его художественного метода, обратились к его биографии, оказалось, что такой важнейший период, как пусть и вынужденное, но замечательное по итогам путешествие его по Закавказью, никак не

¹ «Иверия», 1899, № 109, 26 мая, передовая (на грузинском яз.).

возилась царица, но наконец, боясь срама, заперла ее в Дарьяльскую башню. Кто бы ни проходил по ущелью, все и тут стали зазываться негодницей в крепость, а потом этих несчастных убивали, и поныне их души носятся вереницею по ущелью Дарьяла, а когда там воет ветер в Девдоракском ущелье, это стонут и плачут о своих грехах замученные бедняки Кавказа»¹.

Легенда о башне на Тереке связывалась и с царицей Дареджан. Один из вариантов легенды послужил сюжетом для повести неизвестного автора «Таинственная, или Кавказское мщение» (СПб., 1836), героиней которой является «разбойница Дареджана».

Однако, полная именем Тамар, народная поэзия имени других царей во многих случаях не сохранила. И легенды о Русудан и Дареджан оказались связанными с именем Тамар — единственной памятной царицы. Если же при этом вспомнить, что народные предания приписывают царице Тамар сооружение почти всех старинных храмов и башен в Грузии, то станет ясным, что в каких-то легендах Дарья, или Дареджан, или «распутная сестра царицы Тамар», неизбежно должна была превратиться в коварную Тамару.

Так и случилось.

В одном из вариантов легенды о Дарьяльской башне историк грузинской литературы А. С. Хаханашвили обнаружил имя «беспутной сестры» Тамары. Ее звали... Тамарой. Предание это повествует о двух сестрах, носивших одно и то же имя. Благочестивая Тамара жила в башне близ Анаури, другая — волшебница Тамара — в замке на Тереке. Эта волшебница, зазывая к себе на ночь путников, утром обезглавливала их и трупы сбрасывала в Терек. Ее убил заговоренной пулей русский солдат. Труп ее был выброшен в Терек, замок развалился, имя чародейки Тамары проклято².

Отмечая раздвоение образа Тамары в этой легенде, профессор Хаханашвили первый обратил внимание на сходство ее с той легендой, которая послужила сюжетом лермонтовского стихотворения.

¹ А. Грен. В горах Душетского уезда. — «Россия и Азия», 1897, пробный номер от 7 октября, с. 6.

² См.: А. Хаханов. Из грузинских легенд. Новая версия сказания о царице Тамаре. — «Этнографическое обозрение», 1898, № 4, с. 140.

На создание центрального эпизода поэмы «Мцъри» — битвы с барсом — Лермонтова вдохновила распространенная в горной Грузии старинная песня о тигре и юноше, одно из самых любимых в Грузии произведений народной поэзии.

Молвил юноша удалый:
«Стадо туров я следил,
По тропам, обвинившим скалы,
День и ночь с ружьем ходил.

.
Тигр напал на раздорожье
Черной ночью на меня.
Взор, страшнее гнева божья,
Полон желтого огня...»
Тигр и юноша сцепились
Средь полночной темноты.
Камни в пропасть покатались,
Обломалися кусты.
Щит свой юноша отбросил.
Щит в бою не помогал.
Был стремителем и грозен
Тигр горячий — житель скал,
Он на юноше кольчугу
Разорвал до самых плеч.
Вспомнил юноша о друге,
В руки взял свой Франкский меч.
Взял обеими руками,
Тигру челюсть разрубил.
Тигр, вцепясь в утес когтями,
Кровью крутизну облил¹.

Эта песня относится к грузинскому средневековью. Тему этой древней песни использовал Шота Руставели в том месте своей гениальной поэмы, где Таризел рассказывает Автандилу, как он убил льва и тигрицу:

Меч отбросивши, тигрицу я в объятья заключил:
Целовать ее хотел я в честь светила из светил.
Лютый нрав острокогистой эту нежность отвратил;
Я убил ее во гневе, что сдержать не стало сил.
Тщетно силясь успокоить отвечающую злом,
Я схватил ее и наземь бросил в бешенстве глухом².

¹ «Стих о тигре и юноше». Перевод с грузинского Вл. Державина.— «Поэзия Грузии». Под редакцией В. Гольцева и С. Чиковани. М.— Л., Гослитиздат, 1949, с. 18.

² Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Перевод П. Петренко. Под редакцией К. Чичинадзе. М., Гослитиздат, 1939, с. 149.

Единоборство храбрых, жаждущих подвига и победы, воплощенное в народной хевсурской песне, вдохновило Лермонтова на создание одного из лучших мест его поэмы:

Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

Но мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетаясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.

* * * * *

Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

Не только битва с барсом — каждый день пребывания Мцыри на свободе невольно вызывает в памяти образы богатырей и великанов, воспетых грузинской народной поэзией.

Недалеко от тех мест, где заблудился Мцыри, возвышается отвесный утес Зеда-Зени — наслоение скалистых плит. Эти плиты напоминают ступени уходящей в небеса огромной лестницы. В народной песне говорится, что они «в Зеда-Зени лестницей к небесным вершинам стоят»¹.

По народному сказанию, на вершине этого утеса в давно минувшие времена обитал великан (дэвл), стороживший окрестности Мцхета. Перед заходом солнца он становился на колени и нагибался к берегу, чтобы напиться. И два углубления, видные на поверхности утеса Зеда-Зени, образовались будто бы от колен великана.

¹ С текстом этой песни меня познакомила Н. Г. Хомерики.

Томимый жаждою, Мцыри лежит на краю утеса:

Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозной бездны я лежал,
Где выл, крутятся, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.
* * * * *
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал...

Так и кажется, что в этих строках слышны отголоски народных преданий: и предания о зеда-зенском великани, и другого — о богатыре Амირани, поверженном с небес и провалившемся в подземную бездну.

Круг тем и образов поэзии Лермонтова обогащался от соприкосновения с народной поэзией. Он не подражал народным песням, но, вдохновленный ими, создал такие замечательные произведения, как «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Казачья колыбельная песня», горская легенда «Беглец», «Дары Терека», «Тамара», «Демон», «Мцыри», «Ашик-Кериб».

Проникновение в дух и характер русских народных песен помогло Лермонтову постигнуть красоту и грузинской народной поэзии.

10

Однако в основу «Мцыри» и кавказской редакции «Демона» легли не одни фольклорные источники. На создание этих поэм Лермонтова вдохновляли прежде всего непосредственные впечатления: и сумрачный Дарьял, и Казбек, увитый «белой чалмой», и Гуд-гора, и дымящиеся туманы в ущельях, и хрустальные водопады, и особенная тишина на перевалах, и увиденная сверху пересекаемая Белой Арагвой и другой, безымянной речкой Кайшаурская долина. «Голубоватый туман,— пишет Лермонтов в «Бэле»,— скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись,

покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остаться жить навеки...»

Восхитили Лермонтова долина Арагвы, с селениями, прилепившимися к скалам, как ласточкины гнезда, и попадавшиеся навстречу караваны верблюдов, и скрипящие арбы, запряженные мохнатыми черными буйволами, и пастухи в черных мохнатых бурках, с длинными посохами, и всадники в темных чересках, закутанные в белые башлыки, и женщины в национальных головных уборах: лоб облегает бархатный венчик «тавсакрави», нежный овал обрамляют локоны, а на плечи и длинные косы ниспадает «лечаки» — вышитая белым шелком белая вуаль, — словом, Лермонтова восхитило все то, что изображено на его рисунках и картинах, что описано в прозе «Героя нашего времени», в стихотворных строфах «Мцыри» и «Демона».

Не доезжая до Тифлиса, он остановился во Мцхете — древней столице Грузии, основанной за тысячелетие до нашей эры и раскинувшейся у самого слияния Куры и Арагвы. Все помнят начало «Мцыри»:

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.

Над маленькими домиками, крытыми рыжей черепицей, над зелеными виноградниками господствовал, как и сейчас, воздвигнутый в XI веке собор Свэтицховели, что означает: «Животворящий столп».

Лермонтов осмотрел храм. Возле ступеней алтаря возвышались гробницы последних грузинских царей; на медных надгробиях были начертаны русские надписи:

«Здесь покоится царь Ираклий, — читал Лермонтов, — который редился в 1716 году, вступил на престол кахетинский в 1744 г., карталинский в 1762 г. и скончался

1.

Но много слов тому назад
 там, где сидели мушкетеры.
 Обивали, будно для света,
 Вспухи врыва в Кура,
 Там монастырь. Угрюм горюх
 И много видны померкшие
 Стены обреченные в беду
 И там, и чернелись в беду.
 Но не суровый был вид на
 Кадрамыр вчерашний там,
 Не слышно в беду в беду в беду,
 Миллионы тысяч. до нас. - (+)

Мода у нас, у нас
 Над враньем вранья, вранья
 Не опасая вранья
 За гранью вранья вранья.
 Миллионы вранья
 Отварди там же Генерал
 Угрюм вранья вранья вранья,
 Ребенка вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья

Ирантальский отдален от,
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья
 Там вранья вранья вранья

в 1798 году. Дабы оставить в памяти потомства славное 54-летнее царствование сего царя, от имени государя императора Александра 1-го воздвигнут сей памятник в 1812 году главноначальствующим в Грузии Маркизом Паулуччи».

«Здесь покоится царь Георгий, — начертано было на другой могильной плите, — который родился в 1750 г., вступил на престол грузинский в 1798 г. Для благоденствия своих подданных, в 1799 г. уступил Грузию Русской империи и скончался в 1800 г.». И снова: «дабы оставить в памяти... от имени... воздвигнут...» и т. д.¹

Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

Из этих строк становится совершенно ясным: в первой строфе своей поэмы Лермонтов описал большой мцхетский собор Святицховели и могилы — Ираклия II и «удрученного своим венцом» Георгия XII.

Между тем народная молва давно уже назвала обителью Мцыри другой мцхетский храм — Джварис-сакдари, воздвигнутый в VII веке. Видный отовсюду с далекого расстояния, он высится на скалистой вершине над тем самым местом, где Арагва сливается с Курой. Никаких документальных данных о том, что Лермонтов побывал в этом храме, у нас не имеется. Но стоит только подняться туда — и вы поймете, что поэт побывал, не мог не побывать здесь, что, создавая свою поэму о Мцыри, он вспоминал этот великолепный памятник древнего зодчества, давно уже опустелый, остатки окружавших его когда-то стен и башен, обрушенные столбы ворот, открывающуюся сверху величественную панораму:

Оттуда виден и Кавказ.

Становится понятным, что гробницы грузинских царей привлекли внимание Лермонтова в одном храме, а в другом поразило удивительное местоположение и подлинно

¹ А. Натроев (Натрошвили). Мцхет и его собор Святи Цховели, Тифлис, 1900, с. 322.

романтическая обстановка. В своем описании поэт слил два мцхетских храма.

В пропасти, над которой висит церковь, сверкая, как чешуя, бурно стекались Кура и Арагва. Внизу, у самого их слияния, как и сейчас, высился огромный Мцхетский собор, к которому прилепился маленький городок; на противоположной горе видны были развалины старинной крепости, впереди открывалось узкое ущелье Куры, справа — ущелье Арагвы, поросшее синим лесом, осененное зелеными обрывистыми горами. А там, за голубой мглой арагинского ущелья:

Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Кавбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой ¹.

На одной из своих картин Лермонтов написал маслом с натуры и Военно-Грузинскую дорогу, и храм Джвари на вершине горы, и слияние Куры и Арагвы, и дальние очертания большого Мцхетского собора, то есть те самые места, которые воспел в своей поэме.

11

С давних пор считается, что в основу «Мцыри» Лермонтов положил рассказ старого монаха, которого встретил во Мцхете. П. А. Висковатов еще в 1887 году, ссылаясь на сведения, полученные от родственников поэта А. П. Шан-Гирея и А. А. Хастатова, писал, что Лермонтов «наткнулся во Мцхете... на одинокого монаха, или, вернее, старого монастырского служку — «бэри» по-грузински. Сторож был последний из братии упраздненного близлежащего монастыря. Лермонтов с ним разговорился и узнал от него, что родом он горец, плененный ребенком генералом Ермоловым (так у Висковатова.— И. А.) во время экспедиции. Генерал его вез с собой и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он и вырос;

¹ «Демон», ч. II, строфа IV.

долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытку к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его на край могилы. Излечившись, он уgomонился и остался в монастыре, где особенно привязался к старику монаху».

«Любопытный и живой рассказ «бэри», — продолжает Висковатов, — произвел на Лермонтова впечатление. К тому же он затрагивал уже знакомый поэту мотив, и вот он решился воспользоваться тем, что было подходящего в «Исповеди» и в «Боярине Орше», и перенес все действие из Испании и потом Литовской границы — в Грузию»¹.

Достоверность этого рассказа, основанного на воспоминаниях родственников Лермонтова, еще не вызывала сомнений. А между тем в этом рассказе неверно все — от начала и до конца.

Прежде всего, Висковатов упустил из виду, что Ермолов был назначен на Кавказ только в 1816 году. Первые его экспедиции в горы Центрального Кавказа относятся к 1818—1820 годам. Таким образом, взятый им в плен шестилетний мальчик не мог успеть состариться к приезду Лермонтова в 1837 году. Если же монах, которого Лермонтов встретил во Мцхете, был действительно стар, следовательно, он родился в XVIII веке, когда еще не было ни кавказской войны, ни генерала Ермолова.

Если Шан-Гирей и Хастатов даже и слышали что-нибудь подобное про монаха, то потом они читали «Мцыри» и, очевидно, передали этот эпизод Висковатову уже «с поправкой» на лермонтовскую поэму.

Впрочем, вернее всего, что Висковатов сам составил эту неубедительную историю, соединив два их рассказа в один, а может быть, добавив к их воспоминаниям свои собственные домыслы, что, к слову сказать, случалось с ним довольно часто.

Но допустим, что Лермонтов действительно встретил во Мцхете старого монаха. Допустим, что Висковатов прав и в основу сюжета поэмы положен рассказ этого монаха о том, как он в юности бежал из монастыря. И все же творческая история поэмы, даже и в этом случае, оказалась бы сложнее, чем ее изобразил Висковатов. Потому что если бы у Лермонтова стал рассказывать историю

¹ П. А. Висковатов. Михаил Юрьевич Лермонтов. Незданное юношеское его стихотворение «Исповедь», 1829—1830 гг., — «Русская старина», 1887, № 10, с. 124—125.

своей жизни старик, то тогда нельзя было бы сделать Мцыри пленником генерала Ермолова и в конце поэмы Мцыри не мог бы умереть молодым. И тогда не получила бы развития основная мысль лермонтовской поэмы.

Пленный Мцыри знает только одну страсть: страсть к свободе. Он стремится в родные горы, где сражаются его соотечественники. Он решил узнать, «для воли иль тюрмы на этот свет родимся мы». И тюрьма, по мысли Лермонтова, не только монастырь, в котором томится Мцыри, тюрьма олицетворяет собой весь окружающий общественный порядок, невыносимый уклад жизни в империи Николая I.

И это уже не «Исповедь», уже не просто поэма о заточенном в монастырь юноше. И не возникший заново в других декорациях «Боярин Орша», основной пафос которого составляет протест против церковных законов, оправдывающих социальное неравенство, карающих за проявление самых чистых человеческих чувств. «Мцыри» — поэма о пленнике российского самодержца, о юноше, лишенном свободы и погибающем вдали от родины. Это поэма о современнике Лермонтова, о его сверстнике.

Допустим, что Лермонтов даже и встретил в действительности старого монаха. И все-таки хронологию событий, замысел поэмы определила не эта встреча, а прежде всего отношение поэта к современности, к кавказской войне, к судьбе своего поколения. А «развалин страж полуживой» — старый церковный сторож — сохранился в первой строфе поэмы лишь для того, чтобы связать судьбу Мцыри с Мцхетом.

Таким образом, творческая история «Мцыри» оказывается несколько сложнее, чем ее изобразил Висковатов, а его мнение, что в «Исповеди», в «Боярине Орше» и в «Мцыри» Лермонтов разрабатывал один и тот же абстрактный сюжет, последовательно перенося действие из Испании, а потом с литовской границы в Грузию, представляет собой, как видим, взгляд совершенно необоснованный, но тем не менее широко распространенный до сих пор.

Сначала Лермонтов предполагал назвать свою поэму «Бэри». Написав это слово на обложке рукописи, он сделал внизу примечание: «Бэри: по-грузински монах»¹.

¹ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 524, оп. 1, № 13, XIII лермонтовская тетрадь.

Но слово «бэри» не подходит к юноше, еще не давшему монашеского обета. Поэтому в 1840 году, включая поэму в сборник стихов, Лермонтов озаглавил ее «Мцыри». Но и это слово снабдил примечанием: «Мцыри» на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». Очевидно, оба слова он записал еще в Грузии. Или же должен был в пору, когда писалась поэма, в 1839 году, встречаться в Петербурге с грузинами, факт для нас неизвестный.

Итак, старика, еще в детстве взятого в плен Ермоловым, быть не могло. Но интересно, что в первой половине XIX века не было во Мцхете и действующего мужского монастыря, куда бы Ермолов мог отдать пленного горца. Свэтицховели, о нем уже сказано, — это был кафедральный собор. В Джварис-сакдари монастырь находился с VII века, но уже в X веке он был упразднен. Самтавро — монастырь женский. Антиохийская церковь пустовала. Саркинети — развалины. Был когда-то мужской монастырь в одиннадцати верстах от Мцхета, на горе Зеда-Зени. Но он еще в 1705 году был разорен и в 30-х годах по-прежнему лежал в развалинах. «В развалинах Зеда-Зенского монастыря» — так называется большая статья, напечатанная в газете «Закавказский вестник» в 1849 году, ставившая вопрос о реставрации этих руин¹.

Следовательно, Лермонтов избрал Мцхет местом действия для своей поэмы не оттого, что встретил там старого монаха, и не оттого, что там находился какой-то реальный монастырь, в который Ермолов отдал пленного ребенка. Лермонтов избрал Мцхет потому, что городок у слияния Куры и Арагвы давал ему возможность связать свой замысел не только с природой Грузии, но и с ее историей — с памятниками ее старины, с размышлениями о судьбе ее народа. Недаром в том месте рукописи, где речь идет о могильных плитах,

Которых надпись говорит
О славных би<твах>, —

Лермонтов тут же переправил и написал:

Которых надпись говорит
О славе прошлой...²

¹ См.: А. Натроев (Натрошвили). Мцхет и его собор Свэти Цховели. Тифлис, 1900, с. 21; «В развалинах Зеда-Зенского монастыря». — «Закавказский вестник», 1849, №№ 20 и 21.

² Лермонтов, т. III, «Academia», с. 620 и 431—432.

Переправил, ибо прошлая слава Грузии — страны с древнейшей культурой, страны Руставели,— была, в его глазах, несравненно больше, чем одни славные битвы, в которых побеждал своих врагов грузинский народ.

12

Судя по тексту «Мцыри», Лермонтов размышлял и об исторической неизбежности присоединения Грузии к России.

Сперва после слов «Молящих иноков за нас» Лермонтов поставил цифру «2» и продолжал:

Тогда уж Грузия была
Под властью Русских, *но* цвела,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков¹.

Так читал первоначальный текст этих строк Б. М. Эйхенбаум. Впоследствии слово «но» во второй строке Лермонтов переправил в «она» («она цвела»).

Редакция последнего — академического — издания Лермонтова считает, что вначале было «и», а не «но» и приводит варианты этой строки:

Под властью Русских, *и* цвела
Под властью Русских, *она* цвела².

В окончательный текст эта строка вошла в другом виде:

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков³.

Как возникли в поэме эти строки, в которых утверждаются выгоды присоединения Грузии к России? Ведь о сочувственном отношении Лермонтова к борьбе народов Кавказа против власти российского самодержавия мы зна-

¹ Лермонтов, т. III, «Academia», с. 620.

² Там же, т. IV, с. 355.

³ «Мцыри», строфа I.

ем не только из юношеских стихотворений и юношеской поэмы «Измаил-бей»; лучшее тому доказательство именно «Мцыри». Об этом ребенке, взятом в горах и обретенном в грузинском монастыре тюрьму вместо родины, Лермонтов говорит с любовью и состраданием: поэма исполнена пафоса свободы. Так почему же, сочувствуя пленному горцу, он полагает, что на Грузию после ее присоединения к России должна была снизойти «божья благодать»? Нет ли противоречия между этими строчками о Грузии и остальным текстом поэмы? Как ни читай черновой вариант, по Эйхенбауму или по новому академическому изданию: «Под властью Русских, *но* цвела» или «Под властью Русских, *и* цвела», — основная мысль, заключенная в этих строках, мысль о том, что присоединение к России содействовало расцвету Грузии, остается все равно неизменной!

Противоречия нет. Здесь сказалось понимание исторической судьбы Грузии и умение Лермонтова отличать Россию — великую страну от Российской империи, славу царских колонизаторов от той роли, которую Россия была призвана сыграть в судьбе кавказских народов.

Строки о Грузии свидетельствуют, что сочувствие кавказским народам не мешало Лермонтову воспринимать продвижение России на Кавказ как явление неизбежное и исторически прогрессивное.

Мы знаем, что перед Грузией стоял тогда вопрос: быть поглощенной отсталыми, феодальными странами — шахской Персией и султанской Турцией — или присоединиться к России. Присоединение к России обеспечивало Грузии безопасность от внешних врагов и представляло собой единственно возможный путь для развития ее экономики и культуры.

Царь Ираклий II, выдающийся государственный деятель Грузии, хорошо понимал, что спасти грузинский народ от полного истребления может только защита России. В 1783 году его представители Иоанн Мухран-Батони и Гарсеван Чавчавадзе, а от имени Екатерины II генерал Павел Потемкин подписали в Георгиевске «трактат», по которому грузинский царь признавал верховную власть и покровительство российской императрицы, российская же императрица, в свою очередь, принимала на себя защиту Грузии от внешних врагов.

В 1798 году Ираклий II умер. Внутреннее и внешнеполитическое положение Грузии все более осложнилось,

но русское правительство не торопилось выполнять свои обязательства. Тогда последний царь Грузии Георгий XII, «предвидя неминуемую гибель Отечества, растерзанного внутренними междуусобиями и угрожаемого алчными соседями, ожидавшими только удобного времени к совершенному истреблению сего обессиленного царства, вручил судьбу Грузии могущественной деснице России»¹.

В 1801 году Восточногрузинское царство было присоединено к Российской империи.

В продолжение следующих десяти лет произошло воссоединение с Восточной Грузией Мегрелии, Имеретинского царства, Абхазии и Гурии. А в результате войн, которые Россия вела в Закавказье с Персией и Турцией в первой трети XIX столетия, была обеспечена безопасность Грузии и возвращена часть отторгнутых от нее территорий. Поэтому, написав, что Грузия

...цвела

С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков...—

Лермонтов очень верно передал, в чем именно заключалось положительное значение ее союза с царской Россией, несмотря на утрату государственной самостоятельности.

Нет сомнения, что Лермонтов коснулся в своей поэме взаимоотношений Грузии и России в связи с теми беседами, которые он вел с кем-то во время своего пребывания в Грузии. Висковатов не понял, что на замысел «Мцыри» повлияли и политическая история Грузии конца XVIII — начала XIX века, и ход кавказской войны, и грузинский героический эпос, и впечатления от грузинской природы, что Грузия стала в поэме исходным, органическим ее элементом. В отличие от абстрактной Испании в «Исповеди» и условной литовской границы в «Боярине Орше», Грузия в поэме о Мцыри, совершенно так же как и в последних редакциях «Демона», не условно-романтическая декорация, а реальная страна, необычайно конкретно воспринятая и воплощенная одним из самых передовых людей своего времени.

¹ «История Тифлиса», — «Тифлиские ведомости», 1831, №№ 24, 25 и 26.